

Настоящий текст представляет собой черновую версию статьи, опубликованной в журнале Вестник МГУ (сер. 7). При цитировании просьба ссылаться на официальную публикацию с использованием следующих реквизитов:

А. В. Столяров. Свобода слова в цифровом тысячелетии. // Вестник Московского университета, серия 7 (философия), № 5, 2010. с. 64-82.

А. В. Столяров

Свобода слова в цифровом тысячелетии

1 Свобода слова и проблемы её истолкования

Последняя четверть минувшего века ознаменовалась революционным прорывом в сферах деятельности, связанных с хранением, обработкой и передачей информации, включая и область средств коммуникации. Можно выделить основные ключевые фазы происшедшего: это, во-первых, появление компьютеров как таковых — не в роли машин для математических расчетов, но в роли устройств для хранения и автоматизированной обработки информации, прежде всего текстовой; во-вторых, это создание общедоступных персональных ЭВМ; и, наконец, в-третьих, следует отметить образование сети Интернет. В определенном смысле именно это — появление глобальной децентрализованной (а значит, весьма слабо подверженной влиянию волюнтаристских решений отдельных групп лиц, корпораций и политических сил), дешевой в использовании, универсальной (в смысле видов передаваемой информации) сети персональных коммуникаций привело в итоге к существенным изменениям практически во всех сферах человеческой деятельности и, в конечном счёте, качественно преобразовало весь мир.

Каковы основные качественные различия между миром до Сети и миром эпохи Сети? Первое, что следует отметить — это международная (или, если угодно, экстерриториальная) сущность Сети. Часто говорят, что Сеть не признает государственных границ. Связь с людьми и информационными ресурсами, находящимися в другом государстве (и, значит, под другой юрисдикцией), ничем не отличается от связи внутри страны. Более того, даже если оба взаимодействующих компьютера (например, компьютер конечного пользователя и сервер, к услугам которого этот пользователь обратился) находятся в одной стране, всё равно в процессе работы происходят обращения к серверам, находящимся за ее пределами — как минимум, к корневым серверам DNS.

Сейчас уже мало кто помнит, что когда-то при вывозе из страны компьютерных носителей информации требовалось заранее сдавать их на экспертизу и получать специальное разрешение. С появлением Сети подобные меры потеряли всякий смысл, поскольку любую информацию можно передать, не вставая из-за стола, в любую точку Земли, за исключением нескольких отдельно взятых государств, на территории которых функционирование сети Интернет ограничено или вообще запрещено.

Второе достойное упоминания качественное отличие современного мира от мира до Сети — свободный доступ к средствам тиражирования и распространения информации. На создание своего телеканала нужно было бы потратить миллиарды, на создание своей радиостанции — миллионы, на создание газеты (имеющей, заметим, ограниченный тираж и область распространения) — сотни тысяч. Создание в Сети своей странички, доступной всем желающим, обойдется дешевле порции мороженого даже с учетом платы провайдеру за доступ в Сеть. Иной вопрос, много ли людей захотят эту страничку читать, — но это уже зависит не от Сети, а от читательского интереса. Сеть предоставляет множество способов

отыскания информации заданных категорий, так что заинтересованные читатели (если таковые есть) пресловутую страничку, вне всякого сомнения, найдут.

Следует отметить, что этот вот всеобщий доступ к аудитории касается не только СМИ. Так, начинающие писатели в доцифровую эпоху вынуждены были ждать милости от издательств, поскольку другого пути к читателю не существовало. Сейчас такой путь имеется, и уже есть авторы, известные тысячам читателей, но при этом не имеющие ни одной официально изданной книги. Аналогично обстоят дела и с музыкантами. Можно сделать более общее утверждение: во всех областях человеческой деятельности, где раньше необходимо присутствовал посредник, именуемый издателем, сейчас такой посредник перестал быть абсолютно необходим — и, как следствие, утратил существенную часть своего влияния на соответствующие области деятельности.

Появившиеся буквально несколько лет назад так называемые «блоги» — сайты, организованные в виде хронологической последовательности записей, ведущиеся, как правило, частными лицами — будучи изначально задуманы как некий аналог дневника, содержимое которого доступно сторонним читателям (обычно всем желающим, хотя технически аудиторию можно и ограничить), продемонстрировали потенциал существенно более широкий. Авторы «блогов» обычно и сами читают «блоги» своих коллег по увлечениям, и если в одном из «блогов» проскакивает действительно интересная информация, её немедленно дублируют у себя другие авторы, обычно давая ссылки на оригинал, и в итоге новость зачастую оказывается известна широкой публике раньше, чем об этом успеют сообщить СМИ. Часто в одних «блогах» обсуждают содержание других, а наличие среди авторов «блогов» людей с различными убеждениями и установками позволяет представить одновременно самые различные точки зрения на одно и то же событие или происшествие. Будучи взаимосвязаны таким образом, «блоги» образуют некое целостное явление, получившее название «блогосфера». Встречается и термин «гражданская журналистика»; существует точка зрения, что традиционная (профессиональная) журналистика морально устарела и в ближайшие годы будет вытеснена любителями, авторами «блогов».

Еще одно фундаментальное отличие Сети состоит в простоте и надежности средств защиты от перлюстрации и прослушивания. Если для защиты от прослушивания, например, телефонной линии необходимы сложные дорогостоящие устройства, производство и распространение которых спецслужбам вполне по силам взять под контроль, то для надежной криптографической защиты данных, передаваемых по Сети, достаточно не очень сложного программного обеспечения, которое, заметим, распространяется свободно, в основном через ту же Сеть.

Может показаться, что в Сети можно все и сама Сеть являет собой ожившее воплощение анархии. Строго говоря, некоторое управление в Сети присутствовало с самого начала — это координация использования пространства ip-адресов и доменных имен, однако соответствующие организации выполняли и выполняют исключительно координирующие функции, не являясь, в общепринятом смысле, органами управления. В вопросы взаимодействия отдельных сетей между собой, выходящие за рамки координации адресных пространств, эти организации никогда не вмешивались, оставляя, таким образом, Сети возможность существовать в максимально свободном режиме. Очень скоро, однако, стало ясно, что принцип «можно все» не годится для нормального функционирования Сети, поскольку технически каждый пользователь имеет возможность затруднить или вовсе сделать невозможной работу других пользователей.

Первой требующей организационных мер проблемой, с которой столкнулось сетевое общество, оказались пресловутые «атаки», «взломы», «червяки» и т.п. Существенно позже (в середине 90х годов) получили широкое распространение печально известные «тройские» программы. Правительства отреагировали на все это официальным признанием понятия «киберпреступности» и принятием соответствующих законов.

Однако вялотекущая борьба системных администраторов со взломщиками и техниче-

скими вандалами разного рода по своим масштабам не идет ни в какое сравнение с другим явлением, вызванным приходом в Сеть коммерции, которая, в свою очередь, привела с собой рекламу. Реклама, размещаемая в Сети на сайтах (обычно в виде так называемых «баннеров» — небольших графических изображений рекламного характера) по сути своей сравнительно безобидна, от баннеров можно частично защититься техническими средствами или хотя бы просто не ходить на изобилующие баннерами сайты, так же как можно не смотреть телевизионные каналы, размещающие рекламу. Гораздо опаснее другое проявление рекламы в Сети — массовые несогласованные рассылки рекламной и/или коммерческой информации по электронной почте и другим каналам персональных коммуникаций. Это явление получило название «спам».¹

В отличие от других видов рекламы, затраты рекламодателя на «рекламную кампанию» с использованием спама оказываются близки к нулю. Эффективность и дешевизна рекламы через спам привела к стремительному росту количества таких рассылок и соответствующему увеличению количества ненужных рекламных писем в потоке личной электронной почты пользователей.

Анализ ситуации дал безрадостные результаты. Даже если всего лишь каждый тысячный пользователь Сети начнет рассылать спам, электронная почта как вид сервиса окажется раз и навсегда похоронена под ворохом ненужной информации, среди которой невозможно найти те сообщения, ради которых и создается почтовый ящик.

Поскольку помощи от государств и правительств в этом вопросе можно было не ждать,² администраторы отдельных компьютерных сетей — субъектов сетевого взаимодействия — начали самостоятельно принимать меры по противодействию спаму, основанные на добровольности связности сетей между собой. Механизмы такого противодействия выглядят следующим образом. Если в некоторой сети работает спаммер, то легальных способов *заставить* администрацию такой сети пресечь деятельность спаммера, вообще говоря, нет; с другой стороны, нет никаких причин, *обязывающих* принимать почту (и вообще любую информацию) из такой сети. Поэтому с некоторого момента (описываемые события относятся приблизительно к 1995–1997 гг.) администраторы сетей, из которых шел спам, начали получать требования от администраторов других сетей отказать спаммеру в доступе к сети. В случае, если требование не удовлетворялось, сеть, предоставившая спаммеру доступ, теряла связность с другими сетями. Существовали (и существуют до сих пор) системы обмена информацией об источниках спама, благодаря чему потерять связность можно разом едва ли не с половиной Интернета.

Такие меры позволили сначала полностью искоренить так называемые открытые ретрансляторы электронной почты (open SMTP relays), то есть почтовые серверы, настроенные на доставку адресату любого письма, полученного из любой сети. Примерно до 1995 года так были настроены едва ли не все существовавшие почтовые серверы, к 1998 году таковых практически не осталось.

Дальнейшее развитие мер противодействия спаму позволило полностью исключить рассылки спама по обычным каналам (то есть из той же сети, в которой работает спаммер), поскольку в мире не осталось провайдеров, готовых рисковать своим положением, предоставляя услуги непосредственным рассылателям спама и отказывая другим сетям в пресечении деятельности источников спама. В период с 1999 по приблизительно 2003 го-

¹Исходно слово «spam» обозначает популярную американскую марку мясных консервов. Существуют различные варианты объяснения, почему именно это слово закрепилось за нежелательными электронными рассылками; наиболее правдоподобная версия связывает такое название с роликом комедийной группы Monty Python, в котором клиентам, пришедшим в ресторан, официант с маниакальной настойчивостью предлагает блюда, основанные исключительно на консервах «spam». По некоторыми предположениям, группа Monty Python избрала мишенью для своего ролика именно марку «spam» благодаря чрезмерно интенсивной рекламной кампании марки «spam», прошедшей во второй половине 1940х годов.

²Только недавно в ряде стран (но далеко не везде) появились официальные законодательные нормы, ограничивающие спам, но реально они пока нигде не работают

ды из сферы спама оказались полностью вытеснены любители и дилетанты; в настоящее время эффективно разослать спам может только профессионал, использующий заведомо криминальные методы.³

Профессиональным спаммерам в настоящее время противопоставить нечего; для пресечения их деятельности необходимо соответствующее законодательство и эффективные меры по его исполнению, к чему, судя по всему, государственные органы всего мира пока не готовы. Сам факт вытеснения спама в сугубо профессиональную (и криминализованную, как минимум формально) сферу удерживает количество рассылаемого спама на более-менее постоянном уровне, что, в свою очередь, позволяет электронной почте как виду коммуникаций продолжать существовать. В этом плане показателен пример другого вида коммуникаций, а именно — новостных групп Usenet, практически прекративших существование в 2000–2002 гг. из-за обилия спама и отсутствия средств защиты.

В самом деле, потоки спама в системе электронной почты, не сдерживаемые никакими мерами противодействия, были бы к настоящему времени мощнее, нежели то, что есть в действительности, на несколько *порядков* (по разным оценкам, в 100–10000 раз), что сделало бы использование электронной почты невозможным, во всяком случае, теми способами, которые привычны нынешнему пользователю.

В свете вышеизложенного может показаться неожиданным тот факт, что весь комплекс мер по противодействию спаму с самого начала вызывал и, как ни странно, до сих пор продолжает вызывать дискуссии этического характера.

Основным аргументом, высказываемым против антиспаммерских мероприятий, остаётся *свобода слова*. Постулируя (что вполне естественно) свободу слова как основополагающую ценность, сторонники такой точки зрения утверждают, что в силу свободы слова спаммер *имеет неотъемлемое право* передавать любую информацию любым получателям по своему усмотрению; что же касается мероприятий по блокированию приёма информации из сетей-источников спама, то их предлагают рассматривать как частный случай *цензуры*.

Интересно, что среди лиц, рассматривающих спам как проявление свободы слова, а блокирование и фильтрацию спама как цензуру, присутствуют не только адвокаты спама, но и его противники. Для этих последних спам оказывается аргументом в пользу того, что свобода слова есть не более чем красивые слова, на самом же деле от такой свободы больше вреда, чем пользы, и было бы лучше от красивых, но бессмысленных слов о какой-то там свободе попросту отказаться.

Подобным образом свобода слова ставится под сомнение и во многих других случаях, не связанных с последствиями информационной революции. Так, статья 29 ныне действующей Конституции РФ полностью звучит следующим образом:

1. Каждому гарантируется свобода мысли и слова.
2. Не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства.
3. Никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них.

³Сейчас рассылки спама обычно производятся через множество машин конечных пользователей, зараженных троянскими вирусами. Такие машины, как правило, находятся в других странах, чаще всего в странах третьего мира. Троянские вирусные программы написаны таким образом, чтобы принимать спам от своего «хозяина» и производить его рассылку по заданным «хозяином» адресам, при этом полностью скрывая действительный источник спама. В итоге оказывается практически невозможно узнать, из какой сети в действительности рассылается спам. Отметим при этом, что согласно российскому законодательству преднамеренное заражение чужих компьютеров троянскими вирусами является уголовно наказуемым деянием, подпадающим под статьи 272 и 273 Уголовного кодекса РФ.

4. Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом.
5. Гарантируется свобода массовой информации. Цензура запрещается.

С одной стороны, пункты первый и пятый здесь звучат достаточно однозначно, закрепляя за личностью такие ключевые свободы, как свобода мысли, слова, массовой информации и, наконец, свободу от цензуры. С другой стороны, второй пункт этой же статьи, как правило, воспринимается как некое «исключение» из свободы слова. Более того, на основании этого пункта приняты такие законы, регламентирующие деятельность тех же СМИ, что говорить об отсутствии цензуры в современной России было бы несколько странно.

Часто основанием для разговоров об «относительности» свободы слова, о невозможности её и даже о её нежелательности или несправедливости служат такие очевидно негативные явления, как личные оскорбления, оскорбления религиозных чувств, клевета, открытая публикация сведений о личной жизни и других персональных данных и тому подобное.

Можно услышать и слова о том, что та же свобода печати не должна быть абсолютной, поскольку СМИ являются серьёзной силой в современном обществе и должны подходить к своей деятельности ответственно, не допуская, к примеру, таких публикаций, которые могут иметь серьёзные негативные последствия с социальной точки зрения.

Итак, мы имеем определённые противоречия между необходимостью обеспечения свободы слова, с одной стороны, и категорической недопустимостью некоторых случаев передачи информации, с другой стороны.

Невозможно разрешить эти парадоксы, приняв одну из двух точек зрения и объявив противоположное мнение заблуждением. Действительно, с одной стороны, свобода слова была и остаётся одной из наиболее фундаментальных естественных свобод личности; любые её ущемления и ограничения неизбежно влекут за собой усиление социальной напряжённости, возникновение подпольных деструктивных движений и т.п. С другой стороны, проблемы информационного шума (в том числе того же спама) совершенно объективно требуют эффективных ограничительных мер: отсутствие таких мер ведёт к уничтожению целых коммуникационных сред, как это уже случилось с новостными группами Usenet и, не будь соответствующие мероприятия введены явочным порядком, неизбежно случилось бы с электронной почтой. Меры по ограничению информационного шума необходимы обществу и практически каждому индивидууму, участвующему в обмене информацией современными способами. Аналогичным образом требуют ограничения всевозможные оскорбления, клевета, деструктивная пропаганда и т.п. Между тем, всё это никак не может оправдать ограничения свободы слова, поскольку именно права и свободы отдельного индивидуума (и ничто иное) должны рассматриваться в качестве основной цели общественного устройства; иное, как многократно демонстрировала история, ведёт к тирании и фашизму.

Здесь можно, однако, заметить, что во всех случаях, требующих ограничений передачи информации, можно выделить пострадавшую сторону, причём таковой всегда будут вполне конкретные индивидуумы. Таким образом, получается, что реализация свободы слова одних личностей приводит к нанесению ущерба другим личностям. Призвав на помощь классическое утверждение о том, что свобода одного кончается там, где начинается свобода другого, мы вынуждены будем признать, что вопрос о конкретном расположении границы между свободами двух людей может иметь (и часто имеет) весьма различные решения. В применении к свободе слова и ограничениям свободной передачи информации мы, как легко заметить, имеем весьма разнообразные толкования самого понятия *свободы слова*, что и приводит к описанным выше противоречиям. Необходимо, таким образом,

уточнить понятийную базу информационной свободы так, чтобы, с одной стороны, вышеупомянутые ограничительные мероприятия не рассматривались в качестве нарушения чьей-либо свободы, но, с другой стороны, чтобы свобода слова как таковая при этом никоим образом не пострадала.

2 Свобода — это свобода

Принимая новые (в том числе уточняющие, корректирующие и т.п.) определения для уже существующих понятий, мы всегда рискуем подменить обсуждаемый предмет. История знает немало примеров, когда самое понятие свободы, а равно и такие важнейшие понятия, как *истина*, *справедливость* или даже *счастье* переопределялись так, чтобы попросту запутать публику, увести дискуссию в «безопасные» рамки, отвлечь внимание от подлинных проблем.

Чтобы отсечь возможные обвинения в подмене понятия свободы неким её суррогатом, а также и чтобы обезопасить себя от подмены обсуждаемого предмета, уделим понятию свободы самое пристальное внимание.

Прежде всего уточним, что под свободой одного конкретного индивидуума, вне всякого сомнения, следует понимать именно то, что под ней понимается на бытовом уровне, а именно — возможность индивидуума жить в соответствии со своими желаниями, или, попросту говоря, делать всё, что он хочет, и не делать ничего такого, чего он не хочет, а равно и чтобы с ним никто не делал ничего такого, чего он не хочет. Любые определения свободы, противоречащие этому, следует отнести к разряду словесных спекуляций.

Если перейти теперь к рассмотрению общества в целом, то вопрос о свободе становится несколько более сложным, однако и здесь можно зафиксировать некоторые утверждения, отрицание которых превращает разговор о свободном обществе в пустую болтовню.

Прежде всего, трудно было бы назвать свободным такое общество, в котором свобода считается не правом, а привилегией. Иначе говоря, одно из необходимых требований к свободному обществу состоит в том, что все люди должны рассматриваться равно свободными по праву рождения.

Зафиксировав это требование, мы легко убеждаемся в том, что полное отсутствие каких бы то ни было ограничений на совершаемые индивидуумами поступки кажется «свободой» лишь на самый первый взгляд. Требуемый такой вот «полной свободы», как правило, не понимает, каковы *для него самого* окажутся последствия снятия всех ограничений со всех окружающих его людей. Отсутствие ограничений сводится к праву сильного, однако даже для самых физически развитых субъектов остаётся риск столкнуться с враждебно настроенной группой достаточного размера, так что практически для всех «полная свобода» оказывается свободой получения тумачков, свободой быть ограбленным и т.д.

Отмена принципа недопустимости насилия ведёт к полному распаду государства, неизбежному захвату власти сильными группировками, собравшимися вокруг стихийных лидеров, и скатыванию общества к феодальной модели общественных отношений, то есть, в конечном счёте, к потере, а не обретению личных свобод большинством членов общества. Это позволяет отнести запрет насилия к числу *минимально необходимых* ограничений действий индивидуума, то есть к ограничениям такого рода, которые будут действовать в любом обществе, сколь бы свободным оно ни было.

Уточним, что никакое пассивное поведение не может быть истолковано как насилие в контексте вышесказанного. Право каждого в любых условиях сохранять пассивность, вообще говоря, ни к каким масштабным катаклизмам не приводит, хотя и рассматривается в некоторых случаях как негативное явление (в качестве примера можно назвать оставление без помощи).

Отметим ещё один момент. Коль скоро речь идёт о введении ограничений, необходимо

разрешить и создание механизмов принуждения к выполнению этих ограничений, в противном случае любые ограничения останутся пустым звуком. Здесь часто усматривают противоречие между декларацией о недопустимости насилия, с одной стороны, и требованием об эффективном принуждении к исполнению ограничений, с другой, обыгрывая при этом фразу «запрет насилия — это тоже насилие».

Противоречие, однако, снимается, если уточнить, что речь идёт лишь о насилии *инициированном*. Можно говорить, что индивидуум свободен в своих действиях и решениях до тех пор, пока не совершит инициированного насилия и не окажется, таким образом, в положении преступника, подлежащего возмездию. Условимся в дальнейшем для определённости опускать уточняющее прилагательное «инициированное» в применении к насилию, т.е. обозначать термином «насилие» исключительно насилие инициированное, и ничто иное; применение силы, совершённое в ответ на насилие, будем обозначать, в зависимости от конкретики, словами «возмездие», «оборона», «защита», «меры пресечения» и т.п., не употребляя, таким образом, слово «насилие» для обозначения действий, определённо допустимых либо могущих таковыми оказаться.

Сделаем ещё одно достаточно очевидное уточнение. Никакие действия в отношении индивидуума, совершённые с его согласия, не могут считаться насилием над этим индивидуумом. Разумеется, под согласием здесь следует понимать согласие информированное, иначе говоря, индивидуум должен точно знать, на что конкретно соглашается; обычно об информированной доброй воле говорят в случае, если никто из остальных участников взаимодействия не пытался злонамеренно утаить от индивидуума существенных деталей предстоящего.

Поскольку современное общество основано на разделении труда и, как следствие, на сотрудничестве людей между собой, право согласия приходится несколько обобщить, введя *свободу волеизъявления*, выражающуюся в праве личности брать на себя произвольные обязательства (как правило, в обмен на обязательства со стороны других субъектов). От простого права согласия это отличается невозможностью «передумать»: субъект, добровольно взявший на себя обязательства, должен исполнить их вне зависимости от своего настроения.

Принуждение индивидуума к исполнению договорных обязательств, в том числе силовое, не считается нарушением свободы индивидуума, постольку поскольку договорные обязательства индивидуум взял на себя по собственной воле. Условимся не применять термин «насилие» также и к случаю принуждения индивидуума к исполнению договорных обязательств. Это не противоречит вышеобозначенным критериям насилия: добровольное заключение договора (сделки) следует рассматривать как согласие индивидуума на применение к нему методов принуждения в случае неисполнения им собственных обязательств, а действия, совершённые с согласия индивидуума, не могут считаться насилием над ним.

Всё вышесказанное можно передать одной фразой: «любое взаимодействие индивидуумов между собой должно совершаться на основе их общей информированной доброй воли, которая может быть выражена как в форме простого согласия, так и в виде заранее взятых на себя обязательств».

Модель общественного устройства, основанная на принципах недопустимости инициированного насилия и нерушимости договорных обязательств (либертарианская, или минархистская, модель) является, по-видимому, моделью, допускающей *наибольшую возможную свободу* для каждой личности в рамках общества. Действительно, оба ограничения, накладываемые на личность, оказываются необходимыми (одно — для взаимовыгодного взаимодействия или разделения труда, второе — для недопущения скатывания общества к феодальным отношениям, которые невозможно назвать свободными), никаких же иных ограничений мы не наложили.

Таким образом, отталкиваясь от либертарианского понимания свободы, мы можем

быть уверены, что имеем дело с действительной свободой, а не её суррогатом. Иначе говоря, какие бы требования мы ни накладывали на взаимодействие индивидуумов, эти требования не будут ни в коей мере ограничением свободы, если только они соответствуют требованиям либертарианской модели.

3 Уточнение понятия информационной свободы

Отметим теперь, что *в любом акте передачи информации участвуют как минимум две стороны*: передающий и принимающий, отправитель и получатель, и т.д.; любой информационный обмен, таким образом, является взаимодействием индивидуумов. Из этого можно сделать вполне очевидный вывод, что информационный обмен, на который хотя бы один из участников (либо передающий, либо получающий информацию) не дал своего согласия, является *насилием*. Одним из основных свойств личных свобод человека как в либертарианской модели общества, так и в иных моделях, ориентированных на человека и его права и свободы, является то, что никакая свобода не является и не может считаться основанием для совершения насилия над другими людьми.

Свобода слова традиционно упоминалась без дополнительных уточнений, в предположении, что смысловое наполнение этого понятия достаточно очевидно для всех участников общественных отношений. Как уже отмечалось, заметное количество людей при этом понимает свободу слова как право каждого говорить что угодно кому угодно, или, обобщая, как право каждого передавать кому угодно любую информацию. Мы видим, однако, что в таком понимании свобода слова оказывается свободой насилия. Таким образом, термин «свобода слова» однозначно нуждается в уточнении.

Во избежание неоднозначности мы в дальнейшем для обозначения уточнённого понятия свободы слова будем использовать термин «свобода информационного обмена» или просто «информационная свобода». Отметим, что такой термин более точно характеризует современные реалии, поскольку далеко не любая информация сегодня может быть облечена в слова (во всяком случае, *разумным* способом).

Попробуем сформулировать основные составляющие информационной свободы.

Во-первых, поскольку любой информационный обмен является взаимодействием индивидуумов, необходимо потребовать согласия каждого из участников — как передающего, так и принимающего.

Во-вторых, необходимо учесть свободу волеизъявления и потребовать, чтобы соответствующий информационный обмен не противоречил никаким обязательствам, которые были ранее взяты на себя кем-либо из участников обмена. Так, если обладатель информации ранее **добровольно** взял на себя обязательство о неразглашении этой информации, то её разглашение должно уже рассматриваться не как проявление свободы информационного обмена, но как нарушение собственных добровольных обязательств.

Наконец, в-третьих, чтобы остаться в рамках либертарианской модели, необходимо потребовать, чтобы *никаких иных ограничений на обмен информацией не накладывалось*, т.е. в случае, если все участники предполагаемого информационного обмена выразили своё согласие и никто из участников не связан запрещающими обязательствами, то информационный обмен должен состояться вне всякой зависимости от пожеланий, интересов и волеизъявлений третьих лиц, включая и государственные органы, правительство, всевозможные корпорации, организации и т.п. Итак, определим *информационную свободу* как такую модель общественного устройства, при которой любое информационное взаимодействие может (и должно) состояться тогда и только тогда, когда все непосредственные участники данного информационного взаимодействия согласны в нём участвовать и ни один из участников не связан добровольно взятыми на себя обязательствами, делающими соответствующий информационный обмен невозможным.

С другой стороны, любое *активное* действие, нарушающее информационную свободу личности, такое как передача информации без согласия хотя бы одного из участников информационного взаимодействия (без согласия принимающего или без согласия передающего), либо вмешательство третьих лиц в свободное информационное взаимодействие с целью его нарушения и/или активные действия третьих лиц, делающие соответствующий обмен невозможным, будем называть *информационным насилием* над личностью.

Отметим, что под определение информационного насилия формально не подпадают нарушения ранее взятых на себя договорных обязательств (например, разглашение информации, которую её владелец добровольно обязался не разглашать), что, однако, не делает такие нарушения информационной свободы сколь бы то ни было менее важными. Вообще говоря, здесь речь идёт даже не о нарушении информационной свободы, а о нарушении договорных обязательств, что противоречит самой либертарианской модели общественных отношений как таковой, даже без введения в неё только что сформулированной понятийной базы информационной свободы и информационного насилия.

4 Типология информационного насилия

Информационное насилие можно очевидным образом разделить на три основных проявления.

К первому из них мы отнесём **получение информации без согласия её владельца**, т.е. передачу информации без согласия передающего. Сюда относятся, прежде всего, всевозможный шпионаж, прослушивание каналов связи, перлюстрация почтовой корреспонденции, радиоперехват и тому подобное. К этому же виду можно отнести прямую кражу носителей информации, что позволяет при рассмотрении такой кражи не ограничивать размер нанесённого ущерба стоимостью самих носителей.

Кроме того, при ближайшем рассмотрении к этому виду информационного насилия приходится отнести исполнение существующих во многих юрисдикциях законов об *обязательности* дачи свидетельских показаний. Интересно, что согласно действующему законодательству человек не обязан свидетельствовать против самого себя, против своего супруга/супруги или ближайших родственников, то есть государство на законодательном уровне признало, что для отказа от свидетельствования могут существовать уважительные причины. В то же время, отказ от дачи свидетельских показаний против других лиц по-прежнему рассматривается как уголовно наказуемое деяние, и *согласие* свидетеля дать соответствующие показания никого при этом не интересует. Между тем, невозможно предусмотреть на уровне закона все возможные ситуации, как невозможно во многих случаях и проверить действительное возникновение соответствующей ситуации. Так, например, мало кто согласится давать показания против близких друзей, но никаких подобных оговорок в законе нет, а даже и присутствуй таковые в тексте закона, представляется сложным формально доказать существование близких дружеских отношений. Если считать, что индивидуум вправе распоряжаться самим собой (в том числе и содержимым своей памяти) по собственному усмотрению, представляется вполне логичным предоставить ему возможность *самому* определять допустимость дачи показаний в каждом конкретном случае.

Второй вид информационного насилия — это **передача информации без согласия получателя**. Кроме уже упоминавшегося выше спама к этому виду относятся словесные оскорбления, злонамеренная дезинформация и т.п. Вместе с тем, к данному виду информационного насилия приходится отнести:

- большую часть существующей рекламы: как минимум, любую рекламу с использованием персональных каналов связи, включая рассылку рекламных материалов обычной почтой и телефонные звонки рекламного характера, а также и наружную

рекламу, рекламу в общественном транспорте и т.п., то есть все виды рекламы, на получение которой получатель не давал своего согласия; это можно не относить к рекламе на телевидении и радио, поскольку просмотр соответствующего телеканала или прослушивание радиостанции можно с некоторой натяжкой считать согласием на получение рекламы, но тогда необходимо запретить воспроизведение теле- и радиопрограмм в общественных местах;

- пропаганду любого рода вне всякой зависимости от её целей; пропаганда ненависти и насилия в этом плане ничуть не лучше и не хуже, чем пропаганда, к примеру, здорового образа жизни;
- миссионерскую деятельность всевозможных религиозных конфессий, включая как секты, так и «официальные» церкви, проводимую за пределами храмов и других специально выделенных помещений;
- оказание психологического давления любого рода, т.е. всё то, что обычно скрывается под словами «уговорить», «убедить» и т.п.
- проведение в общественных местах всевозможных демонстраций, митингов, пикетов и тому подобных мероприятий, имеющих целью навязывание окружающим определённых (обычно политических) точек зрения; разумеется, это не относится к мероприятиям, проходящим в закрытых помещениях, попадание в которые само по себе не может быть случайным и может рассматриваться как согласие на получение соответствующей информации;
- торговля вне специально отведённых мест (магазинов и рынков), коммивояжерская деятельность;
- наконец, обыкновенное попрошайничество.

В третий, и последний вид информационного насилия выделим **вмешательство третьих лиц в свободный информационный обмен**, протекающий с согласия всех его участников и не противоречащий действующим добровольным обязательствам участников.

К этому виду относится всевозможная цензура, как государственная, так и осуществляемая на других уровнях общественных отношений. Уточним, что под цензурой в данном случае мы понимаем запрет передачи или публикации сведений определённого характера, устанавливаемый вне зависимости от принадлежности средств передачи и публикации. Так, отказ редакции журнала от публикации конкретной статьи либо статей определённой категории, вообще говоря, цензурой не является, поскольку, во-первых, мы здесь имеем дело с правом распоряжаться своей собственностью (журнал имеет владельца, и этот владелец имеет право решать, какие публикации в журнале допустимы, а какие — нет). С другой стороны, запрет публикации тех или иных материалов, исходящий от государственных, муниципальных органов либо от каких-либо третьих лиц или организаций и не основывающийся на исполнении прав собственности на журнал, в равной степени ущемляет права автора, редакции и публики; именно запреты такого рода мы называем цензурой, которую и относим к информационному насилию третьего вида.

Кроме того, к этому же виду насилия при внимательном рассмотрении приходится отнести существенную часть мероприятий по обеспечению института интеллектуальной собственности (прежде всего — исключительных авторских прав). В основе современного авторско-правового законодательства лежит понятие копирайта, т.е. права копирования той или иной информации. Предполагается, что информация, «защищенная» копирайтом, может быть скопирована только правообладателем или теми, кому правообладатель

тем или иным способом дал соответствующие полномочия. В общем случае (из которого существует множество исключений, зависящих от конкретной версии авторско-правового законодательства) создание копии объекта авторского права, в том числе путем передачи информации третьим лицам, является незаконным независимо от наличия или отсутствия каких бы то ни было договорных отношений между правообладателем и лицами, непосредственно участвующими в информационном обмене.

Легко видеть, что принципу информационной свободы, сформулированному выше, это не соответствует. Пока речь идет об отношениях правообладателя и его клиента, который при приобретении «законной» копии (книги, диска, коробки с программой для ЭВМ и т.п.) дал тем или иным (явным!) образом обязательство не распространять копии, снятых с покупаемого экземпляра, все вроде бы в порядке, поскольку речь идет об исполнении добровольных обязательств. Однако если новый «законный» обладатель копии своих обязательств не выполнил, сняв с «законного» экземпляра новые копии и передав их третьим лицам, мы имеем дело с копиями, обладатели которых никому никаких обязательств о нераспространении не давали. Для этих людей дальнейшее копирование информации будет полностью соответствовать нашему определению свободы информационного обмена, но в то же время с точки зрения существующего авторско-правового законодательства, основанного на копирайте, такое распространение является незаконным — и, следовательно, меры по обеспечению соблюдения копирайтного законодательства оказываются в общем случае информационным насилием, связанным с воспрепятствованием третьими лицами осуществлению свободного информационного обмена, то есть насилием ровно того же вида, что и цензура.

Под определение информационного насилия можно подвести и такие хорошо известные явления, как *клевета* и *плагиат*, однако для этого необходимо отказаться от традиционных воззрений на то, кто является в этих случаях пострадавшей стороной. Традиционно пострадавшим от клеветы считали лицо, относительно которого распространяются заведомо ложные (клеветнические) сведения, а пострадавшим от плагиата (присвоения авторства) считали настоящего автора произведения. Между тем, ни оклеветанное лицо, ни автор исходного произведения не принимают непосредственного участия в информационном обмене, в ходе которого возникает клевета или плагиат; согласно сформулированным выше принципам интересы третьих лиц не могут приниматься во внимание при определении допустимости информационного обмена, и, соответственно, ни клевета, ни плагиат не могут быть признаны информационным насилием, если пострадавшего (объект насилия) пытаться искать традиционным способом. Это, однако же, не означает *допустимости* клеветы и плагиата в рамках информационной свободы в нашем её понимании, поскольку и то, и другое, бесспорно, является *злонамеренной дезинформацией*; всё встаёт на свои места, если признать, что в обоих случаях (как при клевете, так и при плагиате) *пострадавшим является непосредственный получатель информации*, будь то клеветнические сведения или ложные сведения об авторстве. При этом те лица, которые считались пострадавшими в соответствии с устоявшимися традициями, будь то оклеветанное лицо, или автор, чьё авторство кем-то присвоено, могут в некоторых случаях быть признаны пострадавшими *косвенно*, поскольку им могут нанести ущерб решения злонамеренно дезинформированных лиц, принимаемые на основе заведомо ложной информации.

Пусть, например, в фирме, принадлежащей Иванову, работает сотрудник Петров. Некто Сидоров передаёт Иванову заведомо клеветнические сведения о Петрове. *Непосредственно пострадавшим* здесь следует считать только Иванова, поскольку Петров в информационном обмене непосредственного участия не принимает. Если, однако, на основе полученных клеветнических сведений Иванов принимает решение об увольнении Петрова с работы, то речь может идти уже о признании Петрова *косвенно пострадавшим*. Это возможно лишь при условии надлежащего подтверждения того факта, что в отсутствие исходных клеветнических сведений Иванов не стал бы увольнять Петрова. В качестве

такого подтверждения могут, например, рассматриваться показания самого Иванова.

В качестве промежуточного итога можно отметить, что под определение информационного насилия попадает множество явлений, традиционно считавшихся незаконными (оскорбления, пропаганда насилия и экстремизма, злонамеренная дезинформация, шпионаж, цензура, клевета и др.), множество явлений, законность которых сомнительна и зависит от конкретной юрисдикции (в качестве примеров назовём попрошайничество и принуждение к даче свидетельских показаний), некоторые явления, которые в силу инертности общества формально остаются законными, но которые невозможно, тем не менее, считать допустимыми (тот же спам).

Наконец, информационным насилием оказалось достаточно заметное множество явлений, традиционно воспринимаемых как вполне законные, привычные и часто воспринимаемые как полезные: реклама и деятельность коммивояжеров; пропаганда «положительных» с социальной точки зрения явлений, таких как отказ от курения и т.п.; политические демонстрации, вообще так называемая свобода митингов и шествий; наконец, авторское право в его имущественной части. Заметим, однако, что все перечисленные «законные» виды информационного насилия имеют одну очевидную общую черту: в каждом случае их проявления можно указать значительное количество лиц, чьим интересам такие явления противоречат. Так, реклама, в особенности навязчивая, порождает массовое раздражение и социальную напряжённость; та же пропаганда отказа от курения приводит к недовольству курящих граждан, часто принимающему довольно резкие формы; проведение политических демонстраций, митингов и пикетов нередко вызывает жалобы со стороны гражданского населения, чьё место проживания или работы находится вблизи от мест проведения соответствующих акций, а также тех, кто случайно наткнулся на проходящую демонстрацию на своём пути.

Что же касается авторско-правового законодательства в его имущественной части, то в последние годы широко обсуждается наносимый им безусловный вред практически всему обществу, за исключением ничтожно малой прослойки издателей и совсем уже считанных единиц профессиональных и хорошо раскрученных авторов, имеющих высокие гонорары. Отметим, что доля таких авторов невысока даже среди писателей, уже имеющих напечатанные книги, и совсем незаметна, если рассматривать всех авторов, имеющих своего читателя. Что касается тех авторов, которым не посчастливилось войти в число «избранных», то для них копирайтное законодательство предстаёт в виде богатейшего набора средств, используемых издателями для *ущемления* их интересов.

Так или иначе, существует огромная масса литературных и музыкальных произведений, помещённых самими авторами в свободный доступ без каких-либо претензий на гонорары. Ещё интереснее обстоят дела в сфере программного обеспечения для компьютеров: автор этих строк в течение вот уже более чем десяти лет обходится для всех своих нужд свободно распространяемыми программами, и к настоящему времени практически не осталось задач, решаемых с помощью компьютера, которые при этом нельзя было бы выполнить, пользуясь только свободными программами. Многие авторы свободного программного обеспечения обрушиваются с оглушительной критикой на институт интеллектуальной собственности; один из наиболее известных таких критиков — Ричард Столлман — известен одновременно и как пропагандист свободных программ, и как программист, автор многих программ, которыми пользуются миллионы людей во всём мире (часто даже не подозревая этого). Всё это позволяет предположить, что *необходимость* имущественных авторских прав в современном обществе несколько преувеличена.

5 Общественный эффект информационной свободы

Важно отметить, что либертарианская модель общественных отношений использовалась здесь в качестве гарантии того, что личная свобода не будет подменена каким-либо её суррогатом; в то же время, всё сказанное верно далеко не только в либертарианской модели. Защита граждан от насилия в том или ином виде оказывается необходимой функцией любой государственной системы, и либертарианство отличается от других систем только в том, что не даёт права на насилие (напомним, что мы имеем в виду исключительно насилие инициированное) никогда и никому, в том числе и самому государству, тогда как во всех прочих государственных системах из этого правила делаются определённые исключения.

Многие частные проявления информационного насилия считались и считаются противозаконными практически во всех существующих юрисдикциях, так что передачу информации как вид противозаконного деяния, вообще говоря, никак нельзя назвать чем-то принципиально новым. Вместе с тем, революционные изменения общественных отношений, вызванные наступлением цифровой эпохи, предъявляют соответствующие требования к законодательным системам и порождают потребность в разрешении имеющихся противоречий, связанных с информационной свободой, в прояснении и упорядочении точек зрения на допустимость или недопустимость тех или иных видов информационной активности.

Признание информационного насилия полноценным видом насилия, требующим наравне с насилием физическим соответствующей реакции общества, возможно (и, по мнению автора, необходимо) в любом государстве, претендующем на статус правового. Никакой определяющей роли в этом либертарианство не играет.

Безусловно, такое признание потребует серьёзных изменений в существующих общественных отношениях, и, как это всегда бывает, не всем такие изменения окажутся выгодны. Тем не менее, имеющиеся и с каждым годом обостряющиеся социальные и правовые проблемы, вызванные неизбежным техническим совершенствованием цивилизации, необходимо так или иначе снимать, и признание понятия информационного насилия представляется с этой точки зрения шагом более эффективным, чем неуклюжие попытки заретушировать множащиеся проблемы путём дальнейшего усложнения и без того чрезмерно сложного законодательства.

Информационная свобода неизбежно придёт, это может случиться раньше или позднее, но случится обязательно, и связанные с информацией аспекты общественных отношений придут именно к описанной модели — поручкой тому её внутренняя логика. Полезно понимать, в каком направлении движется общество, и в этом плане эксплуатация понятия информационного насилия при описании и осмыслении происходящего может оказаться весьма полезна.